

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

Протоиерей Владимир Мустафин

Религиозно-философская мысль
в России конца XIX - начала XX в. и
Православие

Опубликовано:

Вестник Ленинградской духовной академии.

1990. № 3. С. 171-176

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2013. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА

Санкт-Петербург

2013

ИЗ ЖИЗНИ ДУХОВНЫХ ШКОЛ

Прот. Вл. Мустафин

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА И ПРАВОСЛАВИЕ

Актонвая речь в ЛДАиС 9 октября 1990 г.

Во второй половине 90-х годов в умственной жизни России обозначилось движение, которое в течение последующих двух десятилетий стремительно набирало силу, но было резко оборвано революцией 1917 года. Группа молодых тогда философов, из которых современной читающей публике наиболее известны имена Н. Бердяева и прот. С. Булгакова, провозгласила необходимость для русской интеллигенции отказаться от позитивистического мировоззрения и принять мировоззрение религиозное, христианско-православное. Сам по себе этот призыв не был новостью, ибо к тому же в сущности призывали, начиная с 40-х годов XIX века, все мыслители славянофильского направления, а также и Вл. Соловьев. Но выдающимся вкладом в историю русской философской мысли явилась та аргументация, которой обосновывался призыв вернуться к традиционному, религиозному мировоззрению. С наибольшей тщательностью и полнотой эта аргументация была развернута С. Булгаковым в серии статей, которые впоследствии вошли составной частью в сборник «От марксизма к идеализму» (С.-Петербург, 1903).

В основе всей противопозитивистической аргументации С. Булгакова лежит указание на непреодолимые теоретические затруднения и противоречия позитивизма. Прежде всего неверна исходная установка позитивизма построить мировоззрение на одних исключительно научных началах. Такое мировоззрение могло бы основываться на абсолютном и именно научном знании, но это желаемое абсолютное научное знание принципиально недостижимо. Дело в том, что «как бы ни развивалось положительное знание, оно всегда останется ограниченным по своему объекту, — оно изучает только обрывки действительности, которая постоянно расширяется пред глазами ученого. Задача полного и законченного знания в мире опыта есть вообще неразрешимая и неверно поставленная

задача. Она также обманчива и лжива, как задача прийти к горизонту, постоянно удаляющемуся в бесконечное пространство». (Булгаков С. От марксизма к идеализму. С.-П., 1903. С. 114.) Но далее обнаруживается, что так называемое научное мировоззрение не только недостижимо, но и бесполезно именно как мировоззрение, ибо каждый человек ищет в мировоззрении вовсе не то, что может предложить любое собственное научное знание. Сущностью всех мировоззренческих построений является ответ на вопрос о смысле жизни со всеми его разветвлениями. Но вопрос о смысле жизни есть компетенция не науки в собственном смысле, а компетенция умознания, метафизики. «Для человека, как разумного существа, бесконечно важнее любой специальной научной теории представляется решение вопросов о том, что же представляет собою наш мир в целом, какова его субстанция, имеет ли он какой-либо смысл и разумную цель, имеет ли какую-либо цену наша жизнь и наши деяния, какова природа добра и зла и т. д. . . . На эти вопросы нет ответа у положительной науки, точнее, она их и не ставит и не может разрешить. Разрешение их лежит в области метафизического мышления, отстаивающего таким образом свои права наряду с положительной наукой. Компетенция метафизики больше, чем положительной науки, как потому, что метафизика решает вопросы более важные, нежели вопросы опытного знания, так и потому, что, пользуясь умознанием, она дает ответ на вопросы, которые не под силу опытной науке». (Там же. С. 115.) Признание в склонности к метафизике может вызвать недоумение, ибо этому понятию очень часто придается намеренно превратный смысл. На самом деле метафизика по отношению к мировоззрению есть, попросту говоря, умозрительные размышления над общими темами, имеющими прямое или косвенное отношение к вопросу о смысле жизни. Совершенно очевидно, что этих умозрительных размышлений, этих метафизических вопросов ни одно философское направление избежать не может, в том числе и позитивизм во всех его видоизменениях. Философские «школы, даже отрицающие метафизику, имеют свои собственные ответы на ее вопросы. В самом деле, если я ставлю вопрос о бытии Божием, или о сущности вещей, или о свободе воле, и затем отрицательно отвечаю на эти вопросы, то я вовсе не уничтожаю метафизику; напротив, я тем самым признаю ее, признавая законность и необходимость постановки этих вопросов, не ущемляющихся в рамки положительного знания. Различие ответов на метафизические вопросы разделяет между собою представителей разных философских школ, но это не уничтожает того общего факта, что все философы суть метафизики по самой природе человеческой мысли». (Там же. С. 115—116.) Причем любая метафизическая система, действительно стремящаяся стать живым мировоззрением, непременно переходит в положительную религию. Разница между теоретической метафизикой и положительной религией не так проста, как иногда представляется. Эта разница не столько в том, что метафизика ставит вопросы о смысле жизни во всех его аспектах, а религия дает ответы на эти вопросы (могут быть и чисто метафизические ответы на эти же вопросы), сколько в разном характере воздействия метафизики и положительной религии. Метафизика удовлетворяет исключительно умозрительной, теоретической потребности человека, в то время как религия отвечает одновременно запросам ума, чувствований

и воли. Нетрудно заметить, что функциональное предназначение религии то же самое, что и живого мировоззрения: установлением высоких целей для мысли, возбуждением серьезных чувствований и активизацией нравственной деятельности обеспечить человеку плодотворное прохождение жизненного пути. Таким образом, претензия позитивизма построить исключительно научное мировоззрение неосуществима в принципе: в границах научного знания построение вообще какого бы то ни было мировоззрения невозможно из-за отсутствия соответствующих элементов для этого строительства; мировоззрение начинает создаваться в границах метафизического знания, но в границах этого знания оно может носить исключительно теоретический, отвлеченный, неживой характер; и только религия придает мировоззрению жизненность, то есть способность плодотворно осуществляться на практике.

Свое коренное противоречие между стремлением построить научное мировоззрение и принципиальной невозможностью с надлежащей логической последовательностью это сделать позитивизм тем не менее игнорирует и пытается практически осуществить это свое намерение. В результате появилась так называемая теория прогресса, которая ее приверженцами представляется искомым образом научного мировоззрения, а на самом деле является довольно шаткой мировоззренческой конструкцией, основные положения которой никакого отношения к собственно науке не имеют.

Важнейшим положением теории прогресса является следующая цепь взаимосвязанных утверждений: 1) существуют законы общественного бытия, 2) эти законы по своей природе тождественны естественно-научным законам и действуют с такой же неотвратимостью, 3) эти законы обеспечивают неуклонное поступательное развитие общества, 4) конечным итогом действия законов общественного развития непременно будет общество всеобщего счастья. Из этих четырех утверждений единственно научно приемлемым является первое: действительно существуют, по-видимому, какие-то закономерности в общественной жизни, грубое нарушение которых в конце концов болезненно сказывается на самом общественном существовании. Но уже второе утверждение просто неверно, ибо доказать тождество закономерностей общественного бытия и естественно-научных законов невозможно. Третье утверждение, о прогрессе общественного развития, тоже недоказуемо. Следовательно, оба эти последние утверждения являются постулатами веры, а не выводами доказуемого знания, которое только и можно назвать наукой. Четвертое же утверждение вообще имеет чисто эсхатологический характер, противопоставленный самому принципу науки. Таким образом, от всего этого четырехчленного положения теории прогресса остается научно приемлемым всего лишь одно скромное предположение о наличии в общественной жизни каких-то закономерностей, сущность которых толком неизвестна. Все же остальные категорические утверждения этого сложного положения теории прогресса, заключающие в себе саму квинтэссенцию всей этой теории, являются объектами веры и носят поэтому квази-религиозный характер.

Другим основным положением теории прогресса является утверждение, что высшей ценностью для каждого человека должно быть все человечество, мыслимое как целокупная общность всех людей на Земле. При этом человечество представляется единственным субъектом прогресса:

именно все человечество, а не отдельные национальные, социальные, религиозные группы или индивидуумы, непрерывно и неуклонно эволюционирует и в конце эволюционного пути непременно достигнет всеобщего счастья. Из этого положения прежде всего надо изъять идею о неуклонной эволюции, прогрессе, как принципиально ненаучную, о чем говорилось в предыдущем абзаце. К тому что осталось, можно отнестись как к научному положению только при том условии, если понятие «человечество» рассматривать в чисто зоологическом смысле. Тогда данное положение будет выглядеть приблизительно так: человек есть млекопитающее с вертикально поставленным корпусом и способностью к осмысленной речи; человечество есть совокупность особей этого зоологического вида; каждая особь этого вида смертна, весь же вид практически бессмертен. Но не ради популяризации зоологии позитивисты выдвинули положение о прогрессе человечества. Назначение этого положения, конечно, более важное — мировоззренческое: туманными наукообразными формулировками выразить свое, позитивистическое понимание смысла человеческой жизни и противопоставить это свое понимание христианскому пониманию. Если христианство утверждает, что смысл жизни заключается в личном нравственном очищении и совершенствовании ради того, что на церковно-богословском языке называется спасением души, то позитивизм утверждает, что смысл человеческой жизни заключается не в личном существовании, а в существовании всего человечества. Но это утверждение позитивистов основано на недоразумении. Как из суммы нолей невозможно получить ничего, кроме ноля, так из суммы бессмысленных индивидуальных человеческих существований не может получиться ничего, кроме бессмыслицы существования всего человечества. Дело в том, что человечество есть всего лишь совокупность отдельных людей, и только. «То, что позитивизм называет человечеством, — есть повторение на неопределенном пространстве и времени и неопределенное количество раз нас самих со всей нашей слабостью и ограниченностью. Имеет наша жизнь абсолютный смысл, цену и задачу, ее имеет и человечество; но если жизнь каждого человека, отдельно взятая, является бессмыслицей, абсолютной случайностью, то также бессмысленны и судьбы человечества». (Там же. С. 131.) Итак, позитивизм предлагает считать истиной то, что является логически невысказанным. Ясно, что к науке это никакого отношения не имеет. Это — вера, имеющая ложное направление, ложный объект, что называется суеверием.

Наконец, еще одним основным положением теории прогресса является представленное ею толкование сущности счастья. Так как целью прогресса следует считать будущее счастье всего человечества, то что такое счастье? Исповедники прогресса отвечают: счастье — это предельное количество удовольствий от реализации всех физиологических функций человеческого организма. Это чистейший гедонизм. Но теоретически гедонизм полностью несостоятелен, что было выяснено еще в античной Греции: в жизни любого человека количество и напряженность страданий много преобладают над количеством и напряженностью удовольствий. Поэтому сторонники теории прогресса чаще предлагают другую, более мягкую формулировку: счастье есть процесс роста потребностей и их удовлетворения. Это правдоподобно только при том условии, что рост потребностей и их удовлетворения

начнется с очень низкого уровня и будет происходить резко. Иначе рост удовлетворения потребностей останется незамеченным, а значит, и не вызовет чувства счастья. При предельном же удовлетворении потребностей (предел устанавливается биологическими возможностями человеческого организма) рост вообще прекращается, а с ним исчезает и чувство счастья. Сторонники теории прогресса на это реагируют новым рассуждением. Фактически подавляющее большинство человечества находится на крайне низком уровне потребления. Возрастание этого уровня осуществляется очень медленно. Поэтому достижение предельного уровня потребления произойдет через много поколений. И именно в момент окончательного завершения роста потребления у всего человечества и настанет всеобщее счастье. Тем самым вновь меняется позитивистическое понятие о счастье. Теперь его следует понимать как вполне достигнутый предел потребления, и испытают его лишь далекие будущие поколения. Таким образом, позитивизм опять впадает в некую эсхатологию, уродливо сочетая принципиальную антирелигиозность с фактической антинаучностью. Но у этой последней позитивистической формулы счастья есть еще одна внутренняя трудность: можно ли оправдать проблематичное счастье неведомых будущих поколений реальными страданиями поколений прошлых и настоящих? Игнорируя этот вопрос, позитивизм лишь доказывает свою неспособность на него ответить.

Таким образом, основные положения теории прогресса обнаруживают свою полную и именно научную несостоятельность. И если теория прогресса все же пользуется значительным влиянием как мировоззрение, то только за счет элементов веры, в изобилии вкрапленных в эту теорию. Можно даже сказать, что теория прогресса сильна именно как эрзац религиозного мировоззрения.

Таков в упрощенном виде ход размышлений тех русских мыслителей конца XIX—начала XX века, для которых позитивистическое мирозерцание было исходным при начале их самостоятельной умственной работы. Подвергнув имманентной критике это мирозерцание и обнаружив его истинную природу, они были поставлены перед необходимостью выбора — или суррогат религиозного мировоззрения, или собственно религиозное мировоззрение. Они выбрали второе. Вся их последующая умственная деятельность была посвящена распространению в русском образованном обществе христианского мирозерцания. Конечно, степень их православной церковности была различной. Если П. Б. Струве (1870—1944) в конце концов утвердился на позиции безусловной церковности, даже с подчеркнuto консервативным ее характером, то прот. С. Булгаков (1871—1944) своим в определенной степени рискованным учением о Софии стал в заметную богословскую оппозицию к традиционной церковности, а Н. А. Бердяев (1874—1948) вообще к церковности относился свободно. Но как бы то ни было, они и все им близкие по духу высококультурные интеллектуалы того времени резко отмежевались от всех видов позитивизма и стали руководствоваться в своей жизни христианско-православным вероучением, как они его понимали.

Нам, живущим в конце XX века, есть смысл вспомнить сегодня о теоретическом преодолении позитивистического мировоззрения, которое

произошло почти сто лет назад. Теоретическая несостоятельность противорелигиозного мировоззрения, вскрытая русскими мыслителями в конце XIX века, подтверждается ныне фактически. Восторжествовавшая после революции грубо-агрессивная форма противорелигиозного мировоззрения за 70 лет своего господства полностью доказала свою неспособность быть основой для государственной и общественной жизни. Тем самым косвенно подтверждается правота христианско-православного мировоззрения, которое, не имея грубых теоретических изъянов, доказало свою жизнеспособность и практически — руководя многие столетия жизнью великого государства.

Адрес редакции: 193167. Ленинград, Обводный канал, 17.
Ленинградская Духовная Академия. Редакция журнала «Вестник ЛДА».

*Издается совместно с Ленинградским отделением Международного фонда
Славянской письменности и славянских культур*

Художник Ю. Н. Васильев
Технический редактор Т. Д. Раткевич
Корректор Л. А. Ни
Младший редактор М. А. Пирожкова

Фотографии А. Демьянчука

Сдано в набор 11.11.90 г. Подписано к печати 6.03.91 г. Формат 60X90^{1/2} мм. Бумага офсетная.
Бумага на вклейки мелованная. Печать офсетная. Тираж 10 000. Заказ № 881. Отпечатано в
Ордена Трудового Красного Знамени Первой типографии издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, осуществляющее подготовку священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословия, регентов церковных хоров и иконописцев.

На сайте академии
www.spbda.ru

- сведения о структуре и подразделениях академии;
- информация об учебном процессе и научной работе;
- события из жизни академии;
- сведения для абитуриентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии. Материалы распространяются на компакт-дисках и размещаются на сайте журнала в формате pdf.

На сайте журнала «Христианское чтение»
www.spbpda.ru

- электронный архив номеров в свободном доступе;
- каталоги журнала по годам издания и по авторам;
- требования к рукописям, подаваемым в журнал.